

**ИОСИФ
КОБЗОН:**

РАДИ РЕЗУЛЬТАТА Я ГОТОВ И ПОТЕРПЕТЬ

Корреспондент "МК" взял интервью у певца сразу по прилете из немецкой клиники

Он изменился. Осунулся, похудел. Голос заметно ослаб. Но оптимизма не убавилось ни на йоту. Еще пару месяцев назад в Германии

лучшие врачи боролись за жизнь легендарного певца. А он, едва оправившись от страшной болезни, уже думает о сцене.

В субботу, 19 марта, Иосиф Кобзон приземлился в столичном аэропорту "Внуково-3". Среди встречавших у трапа самолета были и корреспонденты "МК".

— Иосиф Давыдович, во-первых, как себя чувствуете?

— Ну не так, естественно, как если бы отдыхал в Сочи. Конечно, чувствую себя пока неважно: потерял много килограммов, слабость ощущаю. Но желания жить и творить гораздо больше, чем мое теперешнее состояние мне позволяет.

(Окончание на 6-й стр.)

В зале ожидания. Внучки ждут любимого дедушку.

ТОЛЬКО В "МК"

С 1-й стр.

— Вы вернулись в Москву. Означает ли это, что самое страшное уже позади?

— Хочу надеяться на это...

— Мы все надеемся. Но что говорят врачи?

— Врачи говорят то, что они должны говорить: что длительный период восстановления — от трех месяцев до полугода. А может, и больше. У всех складывается по-разному, пожизненно — увидим.

— Ну ничего, Иосиф Давыдович, главное — чтобы результат был.

— Конечно. Ради результата я готов и потерпеть. — Если оглянуться назад. В апреле прошлого года в Центре онкологии на Каширке вам сделали первую операцию. Буквально через несколько дней вы выглядели замечательно, как всегда, рвались в бой. Почему же потребовалась повторная операция?

— Это разные были операции, абсолютно разные. Та, что прошла в Германии, как вам ска-

тернете слыл лучшим в своей области. Его имя — Питер Альтхаус.

— Вас разочаровал его уровень?

— Нет, операцию он сделал замечательно, блестяще. Но в Германии мы с Нелей были как слепые котят: немецкий язык ни я, ни она не знаем. На каких-то полудурков были похожи — каждый раз, когда нам надо было объясняться с врачами, мы набирали московский номер нашего друга, продюсера и бизнесмена Александра Волкова. На это время он стал нашим как бы воздушным переводчиком. И другое дело, что потом уже начались всякие осложнения, которые, конечно же, как я убежден, дома бы переносились намного лучше.

— То есть, считаете, если бы операция прошла в Москве, осложнений бы не было?

— Мне так хочется думать.

— Если можно, Иосиф Давыдович, расскажите, с чем связаны осложнения?

ИОСИФ
КОБЗОН

Прямо из аэропорта Кобзон отправился на обследование в одну из клиник ОАО "Медицина".

ЮРИЙ ГРИГОРЬЕВ

зать, была... глобальная, что ли... Понимаете, супруга — главный мой врачеватель — против комментариев на медицинскую тему. Одно скажу: я никому не рекомендую лечиться за рубежом...

— Не рекомендую лечиться за рубежом, потому что нужно пользоваться отечественной медициной. Может, у них что-то и лучше, может, стерильнее медикаменты, может быть, более оригинальная фармацевтика и нет такого количества подделок, как у нас. Но тем не менее я считаю, что медицинских ошибок у них такое же количество, как у нас. Если не больше.

— Но вы ведь сами предпочли лечиться не в России, а в Германии.

— Я не предпочитал. Просто, когда мне сказали, что у меня безвыходное положение, консилиум врачей ОАО "Медицина" порекомендовал мне срочно вылететь в Берлин и прооперироваться у хирурга, который в то время по рейтингу в Ин-

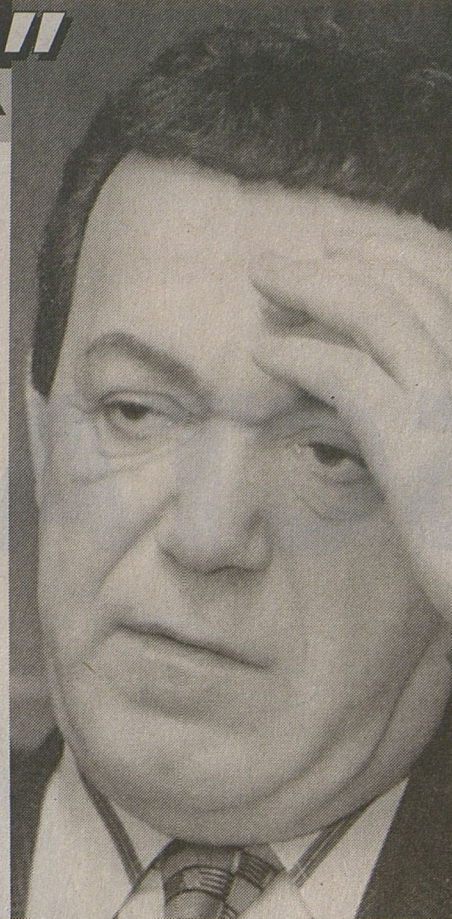
— С совершенно разными причинами. Там и абсцесс почки, и пневмония... Но чего рываться во внутренностях? После тяжелых операций такого рода осложнения даже подразумеваются. Одно скажу наверняка: я их нахватал больше, чем хотелось бы.

— Можно сказать, что врачи боролись за вашу жизнь?

— Можно, конечно.

— У вас был момент отчаяния, когда уже не хотелось сопротивляться?

— Нет, вот такого не было. Как только я приходил в сознание, хотелось сопротивляться. Другое дело, что я живой человек, и все мне присуще — и отчаяние, и депрессия. Но рядом была жена, которая заставляла меня держаться. Когда не хотелось ни есть, ни пить, ни смотреть вверх, она кричала: "Немедленно пей, немедленно ешь!" — и появлялся стимул. Что еще очень помогло — это постоянное внимание. И президента, и Свя-

ВЛАДИМИР ЧИСТЯКОВ

"РАДИ РЕЗУЛЬТАТА
Я ГОТОВ
И ПОТЕРПЕТЬ"

ЮРИЙ ГРИГОРЬЕВ

тейшего патриарха, и мэра, и коллег моих, и друзей самых близких... Так что моральная поддержка сыграла колоссальную роль.

— Несколько слов о вашей супруге Неле — она все время была рядом с вами...

— Нет, не всегда — она намного моложе меня. (Смеется.) Конечно, все это время Неля была со мной рядом, неотступно.

— Как она пережила весь этот кошмар?

— Ей безумно тяжело. Знаете, последние дни я думал о скорейшем возвращении не столько даже для себя, сколько для нее. Чтобы она пришла в себя. И потом Неля все-таки женщина: она не видела длительное время ни внуков своих любимых, ни матери.

— Можно сказать, ей тоже нужен реабилитационный период?

— Он ей просто необходим.

— А дети ваши приезжали?

— Сын и дочь — постоянно. Да и друзья тоже. Немцы просто удивлялись — все время у меня в палате люди, все время близкие. Много кто приезжал: и Винокур, и Швыдкой, и Рудинштейн, и Розенбаум, и Юдашкин. Доктор Рошаль, доктор Ройтберг, который меня постоянно наблюдает, Иванов Игорь Сергеевич...

— За событиями в России вам как-то удалось следить?

— Конечно, каждый день кто-то прилетал и обязательно приносили газеты. В том числе и вашу. Когда был в состоянии, я их прочитывал, если нет — мне рассказывали. Очень, конечно, был опечален, когда узнал о трагедии с Караченцовым. Дай-то Бог, чтобы Коля выкарабкался.

— А российское телевидение не смотрели?

— Нет, не смотрел. И не очень хотелось.

— Почему же?

— Как вам сказать. Даже когда бывал на отдыхе за рубежом, развлекательные программы я смотреть не мог. Сколько раз ловил себя на мысли: черт возьми, твои коллеги — нормальные люди, работают: пьют, пляшут, говорят, а ты бездельничаешь...

— Иосиф Давыдович, как считаете, последние месяцы вас сильно изменили?

— Нет. Нет-нет-нет, я не думаю. Может, в чем-то ограничились, но не изменились.

— Может, что-то переосмыслили за это время?

— Ни в характере, ни в желаниях, ни в осмыслении жизни у меня ничего не изменилось. Разве что теперь я прекрасно понимаю, что больше не смогу бегать-прыгать и жить с такой же нагрузкой, к которой я привык за долгие годы. К огромному сожалению. Я посчитал спортивного интереса ради: в ноябре я совершил 32 перелета, то есть практически жил в самолете, да еще и каждый день выступал. Понимаю, что такой возможности у меня не будет.

— Но вы по-прежнему все тот же оптимист, которого привыкли видеть зрители?

— А смысла другого нет. Когда ты не видишь движения, не чувствуешь жизнь... У меня даже песня такая есть на стихи Евтушенко: "Я петь хочу, и мне не утерпеть. Но если в нашей песне нету жизни, зачем ее тогда, скажите, петь". Понимаете, жизнь должна быть. А если жизни нет, смысла нет никакого...

— Каковы ваши ближайшие планы?

— Что буду делать? Работать.

— Как?

— Ну как работать? Буду встречаться с режиссером, дирижером. Надо обсуждать программу. Ведь 9 апреля с Краснознаменным ансамблем им. Александрова запланирован выезд в Болгарию, а 15-го у меня концерт во Дворце съездов...

— А как же восстановительный период — от трех месяцев до полугода.

— Но я же не лежачий больной. Уже, как мне кажется... 24-го выступаю в "России", 27-го — в Зале Чайковского. Потом намечена программа "Эшелон Победы" — идея Юрия Михайловича Брест-Минск-Белорусский вокзал. Потом, под 9 мая, традиционно вывожу в Израиль группу артистов...

— А петь вы уже пробовали?

— Так... негде было петь! В палате, что ли? Вот, дай Бог, выйду на сцену — запою.

Дмитрий МЕЛЬМАН.

В аэропорту певца встречали с цветами.